

УДК 81
ББК 81

Д.Я. Гордиенко

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ
АРГУМЕНТАТИВНЫХ
СТРАТЕГИЙ
АВТОРА НАУЧНО-
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ТЕКСТА**

В рамках данной публикации анализируются прагматическая природа и конструктивные особенности риторического вопроса, моделирующего в рамках аргументативной стратегии автора выражение мнения или отправной точки рассуждений по проблемам происхождения языка.

Ключевые слова: *научно-лингвистический текст, глоттогенез, аргументативная стратегия, риторический вопрос.*

Гордиенко Динара Якубовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для экономических специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
Тел.: 8-918-543-41-59; 8-928-100-19-49
E-mail: Dinara-na-Donu@mail.ru

Нами применён прагматический подход к изучению аргументативных стратегий автора в современном лингвистическом дискурсе, посвященном проблемам глоттогенеза. Это означает, что наш анализ индикаторов авторской аргументации основывается на мета-теоретических принципах, каждый из которых обладает собственной методологической перспективой употребления. К подобным принципам мы, вслед за исследователями, относим «экстернализацию», «социализацию», «функционализацию» и «диалектификацию» предмета исследования [Eemeren, van, Grootendorst, p. 4 – 18].

Посредством данных принципов, как представляется, в нашем исследовании закладываются основания для интеграции критического и эмпирического освещения аргументативных стратегий автора в рассматриваемом типе дискурса, что позволяет объединить нормативный и описательный измерения, актуализируемых в изысканиях по аргументации, и необходимо для анализа лингвистического материала в данном ключе.

Точкой отправления в исследовании указанных прагматических принципов является тот факт, что аргументация представляет собой попытку урегулировать или предотвратить различие во мнениях посредством критического анализа приемлемости точки зрения, актуализованной в дискурсе, которая может показаться реципиенту сомнительной [Грицкова; Калашникова]. Теория аргументации занимается не столько внутренними процессами обоснования мнения

© Гордиенко Д.Я., 2011 г.

или психологическими установками участников дискуссии, которые придерживаются разных точек зрения, сколько утверждением того, что позиции собеседников получают вербальное выражение. В связи с этим, исследователи прагматического аспекта аргументации фокусируются прежде всего на авторских экстернализированных обязательствах, которые могут быть «извлечены» из дискурса [Сидоров].

Экстернализация сосредоточивает исследовательское внимание на специфических обязательствах, которые принимает на себя автор в определенном контексте и выражает в аргументативном тексте посредством некоторых речевых актов. Такие авторские априорные установки, как «принятие» или «несогласие» при этом не просто сообщают информацию об определенном авторском состоянии сознания, но способствуют выявлению определенного значения, поскольку описываются в терминах общественных обязательств в контексте несогласия относительно определенной точки зрения. Например, в своей экстернализированной форме согласие граничит с выражением позитивного обязательства относительно обсуждаемой пропозиции. Несогласие предполагает обнаружение двух сторон, выражающих несовместимые обязательства относительно обсуждаемой пропозиции. Следовательно, убеждение может быть экстернализировано как эксплицитно выраженное принятие позитивного обязательства в отношении некоторой пропозиции.

Социализация аргументативных стратегий предполагает тот факт, что обязательства собеседников в отношении аргументативных шагов соотносятся с речевым взаимодействием, в котором они реализуются. Высказывание (текст), в котором актуализуется аргумент адресанта, являются частью диалога, нацеленного на урегулирование различных точек зрения с помощью соответствующих стратегий. Контекст речевого взаимодействия играет существенную роль в достижении согласия по спорному вопросу.

Функционализация аргументативных стратегий означает, что языковая активность, реализуемая каждым из собеседников в аргументативной дискуссии, рассматривается в качестве интенционального речевого акта. Анализ данных актов позволяет исследователю определить, какой аргументативный ход совершается на определенной стадии общего процесса достижения согласия.

Диалектификация аргументативных стратегий интерпретирует шаги собеседников в дискуссии, реализованные в форме речевых актов, которые согласуются с правилами ведения общения, нацеленного на достижение единого мнения по проблемному вопросу. В данном случае задача исследования заключается в определении того, как несовместимые точки зрения подводятся под общий знаменатель посредством признания их действительности. Правила ведения критической дискуссии согласуют очередность дискурса собеседников, формируют процедуру достижения согласия в системном виде.

Проанализированные принципы имеют основополагающее значение для нашего исследования индикаторов аргументативных стратегий

в лингвистическом дискурсе. Наш анализ языковых элементов, которые могут служить индикаторами определенных аргументативных шагов автора, призван акцентировать внимание на специфических аргументативных обязательствах, которые принимает на себя автор в процессе использования данных элементов. В качестве базовой единицы анализа выступает речевой акт или комбинация речевых актов. Языковые элементы, служащие индикаторами аргументативных шагов, в составе речевых актов анализируются нами с перспективы критической дискуссии, нацеленной на урегулирование различий во мнениях по проблемному вопросу посредством убеждения.

Теория происхождения языка предстает в современной лингвистической науке одной из наиболее субъективных проблем исследования. В связи с этим, как представляется, проблема убеждения читателя в научной обоснованности выдвигаемых теоретических положений в данном типе дискурса является достаточно актуальной.

В рамках данной публикации акцентируем наше внимание на индикаторах аргументативной стратегии, выражающей предложение автора признать некоторую пропозицию в качестве отправной точки исследования проблем глоттогенеза.

Согласно нашим наблюдениям, эксплицитная форма выражения предложения читателю принять определенную пропозицию как отправную точку рассуждений в научном лингвистическом дискурсе, затрагивающем проблему происхождения языка, представляет собой редкое явление. Как правило, подобная форма выражения аргументативной стратегии содержится в начале текста, когда автор кратко излагает свою позицию относительно рассматриваемой проблемы. Ср.: (1) ***My argument will not focus solely or primarily upon the unique grammatical properties of human natural languages, although it is clear that these exist. My argument is rather that, in contrast to nonhuman signal systems of communication, human natural languages are symbol systems. The evolutionary transition from signal to symbol usage, and the extrasomatic, culturally driven elaboration of symbol usage into language, account for the unique complexity of human language (including grammar). This emergent complexity, I suggest, has in the course of evolution co-opted or captured a suite of cognitive capacities that are uniquely developed (but not unique) in humans*** [Sinha, p. 217].

Косвенно представленная просьба принять данную пропозицию в функции отправной точки рассуждений, напротив, является достаточно частотным явлением. Указанная просьба может быть, в частности, выражена косвенным речевым актом со структурой риторического вопроса, предполагающего только утвердительный ответ. Риторический вопрос в этом случае служит средством указания на то, что автор моделирует неявно выраженное предложение читателю принять пропозицию в качестве отправной точки для последующей дискуссии по спорному вопросу. Так, в следующем примере (2) запрашиваемая отправная точка рассуждений задействуется автором текста как аргумент против мнения, которого придерживается другой лингвист в отношении рас-

смастриваемой проблемы: (2) «*Language is the vehicle of the mind, but sometimes it is a creaking wagon. Linguist Driek van Wissen impressed that profundity upon us many years ago. **But isn't it true that creaking wagons last longer? Isn't it true that language and material need to be in motion?***» [Baldwin, p. 287].

Смягченной риторической иллокуцией обладает вопрос *do you remember that?* Если автор запрашивает читателя, помнит ли он некоторые факты, то это означает – непосредственно в совокупности с другими текстуальными и контекстными индикаторами, – что отправная точка рассуждений содержится выше по тексту. Ср.: (3) «*Do you remember that Carey discusses this range of findings with sensible perplexity based on her supposition that “the concept color is definitionally and developmentally primitive by anybody’s account”? We agree. But the fact is that color terminology is hard to acquire...»* [Landau, Gleitman, p. 187].

Очевидно, что в этом случае автор не только напоминает читателю некоторую информацию из предшествующего хода научного дискурса, но и использует эту информацию в качестве аргумента для доказательства своей точки зрения. В результате читатель призван вывести такое заключение, какое было априорно запрограммировано автором текста и которое, по мнению автора, исходно могло не совпадать с авторским мнением.

Языковыми элементами, которые фактически смыкаются с прямыми директивными актами, реализующими иллокуцию предложения рассматривать некоторый текстуальный сегмент в качестве отправной точки рассуждений, предстают вопросы *do we agree that...?* и *do you agree with me that...?* В примере (4), который предстает частью рассуждений автора об уровне коммуникативной компетенции млекопитающих, являющемся фактором исследования языковой способности человека.

Вопрос, вводимый элементом *do we agree that...?*, задействуется автором как предложение читателю рассматривать данный сегмент текста в качестве отправной точки рассуждений о сигнально-опосредованном поведении: (4) «*The first two steps of this sequence do not involve the communicating organisms’ intersubjective “sharing” of a referential world, but they do require orientation toward, or social referencing of, a communication partner either as a source of information or as an actor whose behavior can be influenced. This level of communicative competence is probably widespread among mammals. **Do we agree that it is the underpinning complex signal-mediated social behaviors?** Not only communication between conspecifics, but also communication between humans and domesticated or working animals such as dogs, horses, and elephants, often seems to involve an understanding on the part of the domesticated animal that the human can both send and receive signals.*» [Sinha, p. 226].

Согласно нашим наблюдениям, риторические вопросы, являющиеся средством реализации рассматриваемой аргументативной стратегии автора, достаточно часто включают такие сегменты, как *then, now, well, surely, rather, after all, also, eventually, just* и разделительные вопросы *isn't*

it?, is it? Некоторые из данных сегментов указывают на тот факт, что риторические вопросы, в рамках которых они реализуются, сигнализируют о начале авторских рассуждений по заявленной проблематике, осложненных субъективными коннотациями.

Так, сегмент *then* передает нетерпение автора выразить свою точку зрения, неудовлетворение автора относительного того, как данная проблема интерпретировалась другими лингвистами. Подобная коннотативная нагрузка сегмента *then* обнаруживается как в пропозиционной части разделительного риторического вопроса, так и во второй части сложного вопросительного утверждения, вводимого союзом *if*. В последнем случае анализируемый сегмент также реализует функцию пояснения того, что содержание второй части вопроса со структурой сложного предложения является следствием того, о чем говорится или имплицитно подразумевается в первой части. В примере (5) риторический вопрос, включающий *then*, выражает неудовлетворенность автора состоянием рассматриваемой проблемы в современной лингвистике. В примере (6) актуализуется риторический вопрос, в котором *then* предстает индикатором авторского умозаключения. Ср.: (5) «*Is it true that the shape of a K-II move includes not just some words spoken but also the position or office of the speaker and the context of the speaking then, according to modern theories?*» [Millikan, p. 163]; (6) «*If the chronological scope of this approach is compared with those of Jakob Grimm and Ferdinand de Saussure, then why does the reversal of the trend in the discipline become evident?*» [Wildgen, p. 204].

Когда наречие *then* задействуется для выражения авторского умозаключения, риторический вопрос моделирует точку зрения автора на рассматриваемую проблему. В данном случае наречие демонстрирует тот факт, что часть утверждения, в которой оно актуализуется, моделирует заключение из той информации, которую читатель уже принял из предшествующего текста. А поэтому он в равной степени призван принять и это умозаключение автора.

Данное умозаключение, как представляется, можно рассматривать и как точку зрения автора, и как отправную точку для читательского поддержания авторского мнения. Например, (6) может быть трансформирован в следующее высказывание: *The reversal of the trend in the discipline is not evident for it's proved by the chronological scope suggested by Jakob Grimm and Ferdinand de Saussure.*

Если наречие *then* задействуется для выражения неудовлетворенности автора текущим состоянием рассматриваемого вопроса в современной лингвистике, то риторический вопрос также семантизирует авторскую точку зрения: (7) «*Little is known about the use of motivated signs by apes in the wild but it is difficult to imagine that the iconic gestures used by Kubie when communicating with Zura, or those used by bonobos during copulation, would be possible unless they reflected behavior that is also used in the wild. Does the use of motivated signs by captive apes reflect then the behavior of apes in their natural habitat?*» [Burling, p. 81]. Риторический вопрос

в данном случае может быть интерпретирован как косвенная форма выражения авторского мнения (*The use of motivated signs by captive apes reflect **then** the behavior of apes in their natural habitat*). Однако его можно с трудом интерпретировать в качестве неявного предложения читателю принять данную пропозицию как начало авторских рассуждений по рассматриваемой проблематике.

В отличие от актуализаций наречия *then* в риторическом вопросе, использование выражения *after all* или «вопроса-хвостика» в рамках данного типа вопроса, как правило, служит средством маркирования отправной точки рассуждений, но не мнения автора по определенной проблеме. Риторический вопрос с компонентом *after all* по определению служит началом авторских рассуждений. В разделительных риторических вопросах дело обстоит несколько иначе. Попробуем объяснить почему.

Разделительные вопросы как в обиходном общении, так и научном стиле речи иницируются, как правило, для запроса информации ради запроса информации. Ср.: (8) «*Two relationships that are characteristic of most preurban societies would, when taken together, give a clear selective advantage to high language ability, wouldn't they?*» [Burling, p. 81]; (9) «*From psycholinguistic studies, there is extensive evidence for the representation of discrete conceptual categories, isn't there?*» [Tallerman, p. 190].

В примере (8) автор признает тот факт, что читатель уже согласился с информацией, утверждаемой риторическим вопросом. Более того, он актуализует выводное знание, которое читатель призван «извлечь» из высказывания после признания указанной информации: факт, что высокая коммуникативная компетенция формируется еще в период до образования городов. В примере (9) аналогичное выводное знание не актуализуется в когнитивном сознании читателя. Если принять во внимание контекст, в котором употребляется утверждение, то выводное знание оказывается неясным: какие факторы определяют репрезентацию дискретных концептуальных категорий в психолингвистических исследованиях. Автор подразумевает, что читатель априорно знаком с данными исследованиями.

Но в большинстве случаев собранной нами картотеки риторический вопрос, сопровождаемый «вопросом-хвостиком», все же служит средством выражения авторской точки зрения. Подобное наблюдение проливает свет на тот факт, что «вопрос-хвостик» способствует формированию в тексте авторского отношения к выражаемым лингвистическим фактам и закономерностям. Ср.: (10) «*It's too crazy for words that we came all this way for nothing, isn't it?*» [Wildgen, p. 209].

В общем, риторический вопрос, к которому присоединяется «вопрос-хвостик», выражает точку зрения автора, если данное высказывание является реакцией на утверждение некоторых лингвистов по рассматриваемой в тексте проблематике, которое выражает противоположное мнение. Например: (11) «*The skeptic can cite the lack of art and relatively static stone toolkit – along with their eventual demise when modern humans*

moved into Europe – as evidence that they were just as backward and unsophisticated as the common “caveman” image portrays... But the truth is somewhere between, the basic plausibility of the whole continuum is what makes the Neanderthals such a contentious topic for paleoanthropologists, isn't it?» [Tecumseh Filch, p. 270]. Поскольку утверждение, имплицитное риторическим вопросом, косвенно отрицает то, что сообщается в предшествующем высказывании и отражает мнение некоторых скептически настроенных лингвистов, сам риторический вопрос можно рассматривать как форму выражения несогласия автора с данными лингвистами, негативной авторской точки зрения.

Компонент *rather*, сопровождающий риторический вопрос, как правило, также служит средством маркирования начала авторских рассуждений, особенно если этот вопрос вводится союзом *or*. В данном случае повествовательное высказывание, непосредственно предшествующее риторическому вопросу выражает авторскую точку зрения. Ср.: (12) «*The spatial nature of gesture allows far more diverse possibilities for iconic communication and pantomime than is possible with speech, or is the capacity for iconicity rather the unique leading reason to see gestures but not speech as an easy route into a language like communication system?»* [Tecumseh Filch, p. 212]. В данном отношении компонент *rather* выполняет ту же функцию, что «вопрос-хвостик» в (8) – (11). Другими словами, в иллокутивном плане данные компоненты выступают как синонимы.

Риторический вопрос в научном лингвистическом дискурсе может не получать осложнения своей структуры посредством проанализированных выше компонентов. Ср.: (13) «*The mechanism for stabilizing coordinative patterns of behavior that I propose is simple, isn't!*» (Mellikan, p. 178). В случае, когда для указания на прагматическую функцию риторического вопроса не используются специализированные средства, показателем аргументативного назначения данного высказывания выступает контекст. Например, актуализация в контексте таких средств, как *namely* и *for* указывает на то, что предшествующий риторический вопрос выражает авторскую точку зрения, а последующий риторический вопрос маркирует авторскую аргументативную стратегию, отражающую начальную точку рассуждений.

Если подобные индикаторы авторской точки зрения и аргументации отсутствуют, то в этом случае мы имеем возможность проверить, могут ли они быть привнесенными в контекст без изменения смысла вопроса, и установить, какую прагматическую нагрузку вопрос несет в процессе аргументации: выражает авторское мнение или маркирует начальную точку рассуждений автора.

Если можно привнести *for* в качестве начального компонента риторического вопроса, за которым следует повествовательное высказывание, то вопрос маркирует начало авторских рассуждений, реализуя соответствующую аргументативную стратегию. Предшествующее же повествовательное высказывание выражает авторскую точку зрения. Если к риторическому вопросу, предшествующему повествовательному вы-

сказыванию, можно добавить начальное *for*, то сам вопрос берет на себя функцию выражения авторской точки зрения, а последующее высказывание в аргументативном плане маркирует начало авторских рассуждений по затронутой проблеме.

Таким образом, если риторический вопрос задействуется автором научно-лингвистического текста в качестве аргументативного выражения предложения принять некую пропозицию в функции отправной точки рассуждений, то перед нами фактически стратегически маркированное утверждение, в рамках которого принятие этого предложения репрезентировано как непроблематичное, как факт. Прагматическая природа иллокуции предложения фактически является идентифицируемой только в форме риторического вопроса.

Литература

Грицкова А.В. Аргументативный дискурс в свете диктемной теории строя текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002.

Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2007.

Сидоров А.М. Аргументативный разум и основания действия : автореф. дис. ... филос. наук. СПб., 2001.

Baldwin A.D. The Rise of Intentional Understanding in Human Development // The Evolution of Language out of Pre-Language. Amsterdam; Philadelphia, 2002.

Burling R. The Talking Ape. How Language evolved. Oxford, 2004.

Emmeren F.H., van, R. Grootendorst. Speech Acts in Argumentative Discussions. A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed towards Solving Conflicts of Opinion. Dordrecht; Berlin, 1984.

Landau B., Gleitman L.R. Language and Experience. Evidence from the Blind Children. L., 1985.

Millikan R.G. Language. A Biological Model. Oxford, 2005.

Sinha Ch. The Evolution of Language: From Signals to Symbols to System // Evolution of Communicative Systems. A Comparative Approach. Cambridge, 2004.

Tallermann M. The Origins of the Lexicon: How a Word-store Evolved // The Prehistory of Language. Oxford, 2009.

Tecumseh Filch W. The Evolution of Language. Cambridge, 2010.

Wildgen W. The Evolution of Human Language. Scenarios, Principles and Cultural Dynamics. Amsterdam; Philadelphia, 2004.